

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 93/94:908
ГРНТИ 03.23.31

БИОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ УРОЖЕНЦА ТОБОЛЬСКА ГАВРИИЛА СТЕПАНОВИЧА БАТЕНЬКОВА

Начало. Окончание в № 4 (63)/2026 г.

Вячеслав Юрьевич Софронов

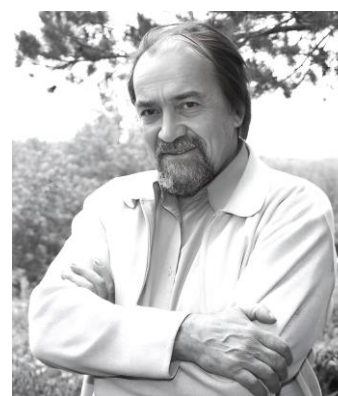
*Тобольская государственная социально-педагогическая академия
им. Д.И. Менделеева
Россия, Тюменская область, г. Тобольск*

Часть первая

Факты биографии: вопросы и противоречия

В декабре 2025 г. исполнилось 200 лет со дня выступления декабристов. Отношение в обществе к декабрьскому выступлению не раз претерпевало диаметрально противоположные изменения. Если в дореволюционное время декабристов именовали не иначе как мятежниками, преступившими закон, то советская власть вознесла их до звания героев за свободу народа. Сегодня в российском обществе уживаются и та, и другая точка зрения. Автор исследует судьбу лишь одного из участников тех событий, уроженца Тобольска Гавриила Степановича Батенькова. Хотя его жизнеописанию посвящено довольно значительное количество различных публикаций, автор делает попытку показать белые пятна в биографии земляка. В первой части излагается ход установления фактов происхождения, обучения и профессионального становления в молодые годы. Автор статьи обращает внимание исследователей на внимательное прочтение архивных документов.

Ключевые слова: жизнь и деятельность Гавриила Степановича Батенькова, г. Тобольск, родословная, личность инженера, поэта, Отечественная война 1812 г., изучение Сибири в XIX в.

A BIOGRAPHICAL STUDY OF THE LIFE AND WORK OF GAVRIIL STEPANOVICH BATENKOV, A NATIVE OF TOBOLSK

The beginning. The ending in No. 4 (63)/2026.

Vyacheslav Sofronov

*Tobolsk State Social and Pedagogical Academy named after D.I. Mendeleev
Russia, Tobolsk*

Part One

Biographical facts: questions and contradictions

In December 2025, it will be 200 years since the Decembrists' uprising. Public attitudes towards the December uprising have undergone diametrically opposed changes many times. If in the pre-revolutionary period the Decembrists were referred to as rebels who had broken the law, then the Soviet authorities elevated them to the status of heroes fighting for the people's freedom. Today, both viewpoints coexist in Russian society. The author examines the fate of one of the participants in those events, Gavriil Stepanovich Batenkov, a native of Tobolsk. Although a large number of different publications have been devoted to his life, the author attempts to reveal the "blank spots" in the biography of his

© Софронов В.Ю., 2026

fellow countryman. The first part presents the story of his origins, education, and professional development in his younger years. The author of the article draws researchers' attention to the careful reading of archival documents.

Keywords: the life and work of Gavriil Stepanovich Batenkov, Tobolsk, genealogy, the personality of an engineer and poet, the Patriotic War of 1812, the study of Siberia in the 19th century

Но весь я не умру: неведомый потомок
В пыли минувшего разыщет стёртый крест

Г.С. Батеньков

Введение

В молодые годы Гавриил Степанович Батеньков сам назвал себя «беспокойным человеком». И в дальнейшем это его легкомысленное утверждение неоднократно подтверждалось. Действительно, он многим доставил беспокойство своим поведением, поступками, недоговорённостью и непредсказуемостью — не только начальству, близким людям, но и ряду исследователей, занятых изучением его биографии. Можно утверждать, что личность этого человека таит ряд загадок и неразрешимых вопросов, ждущих своего изучения.

Участник войны 1812 г., инженер, масон, близкий друг и даже доверенное лицо М.М. Сперанского, член заговора декабристов 1825 г., он оставил после себя немалое литературное наследие в виде стихов, писем и воспоминаний.

Родился Г.С. Батеньков в Tobolske во времена царствования императрицы Екатерины II в семье обер-офицера, вышедшего из крестьянской среды и получившего в результате своей воинской службы возможность пользоваться привилегиями дворянского сословия.

Казалось бы, чего проще. Есть человек, события, в которых он участвовал, описаны в многочисленных трудах и особых загадок

в себе не таят. Но стоит заняться изучением личности этого человека чуть поглубже, снабдить каждый его шаг соответствующими документами, подтверждающими тот или иной факт, как сталкиваешься не просто с неточностями, но и противоречиями. Обозначим наиболее существенные из них:

1. Вопрос о дате рождения Гавриила Батенькова. По какой-то причине его детские и подростковые годы практически выпали из внимания его биографов. И все сведения о рождении и проживании в Tobolske, основанные на его личных воспоминаниях, порой неточных, а то и вымышленных, старательно воспроизводятся в каждом новом издании по когда-то опубликованным материалам без внимательного их документального изучения.

2. Роль Гавриила Степановича в подготовке событий декабря 1825 г., где он играл далеко не последнюю роль, хоть и не вошёл в число главных зачинщиков мятежа. Ряд авторов считает, что именно благодаря его стараниям стало известно о точной дате и времени присяги войсками Николаю I, чем тут же воспользовались заговорщики.

3. Лишь он единственный из всех участников, причастных к выступлению на Сенатской площади, два десятка лет провёл в одиночной камере Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, хотя решением суда наряду с другими осуждёнными был причислен к III разряду государственных преступников и определён на «пожизненные каторжные работы».

4. Практически не изучена деятельность Батенькова как члена масонской ложи, в которой он состоял долгие годы начиная с Томска. Масоном был также его друг и наставник М.М. Сперанский.

5. Загадка его творческого наследия, споры о котором до сих пор продолжаются среди учёных-лингвистов.

Не так часто в биографии одного человека скапливается такое количество загадочных и противоречивых фактов, требующих их объяснения и более детального рассмотрения.

Вехи жизненного пути

Гавриил Степанович Батеньков родился в Тобольске, согласно наиболее ранним публикациям, в 1793 г. Учился в местном военно-сиротском (кантонистском) учебном заведении. В 1811 г. по его окончании покинул Тобольск и был зачислен в Дворянский полк при 2-м кадетском корпусе в С.-Петербурге. 21 мая 1812 г. выпущен прапорщиком, зачислен в 13-ю артиллерийскую бригаду и уже осенью принял участие в боевых операциях. 30 января 1814 г., прикрывая отступление корпуса при местечке Монмираль, получил около десяти штыковых ран, взят в плен, затем освобождён. 13 декабря 1814 г. получил отпуск «для излечения ран» и поехал в Тобольск к матери. 1 апреля 1815 г. с корпусом Дохтурова участвовал в заграничном походе.

7 мая 1816 г. подал прошение об увольнении от службы и отправился в Сибирь. Вступил в масонскую ложу «Избранный Михаил». 5 октября 1816 г. успешно сдал экзамены в Институте корпуса инженеров путей сообщения, получил звание инженера 3-го класса и прибыл в Тобольск для службы. В 1817 г. руководил инженерно-строительными работами. 3 января 1818 г. в Тобольске назначен управляющим 10-м округом путей сообщения (временно). После знакомства с новым Сибирским генерал-губернатором М.М. Сперанским в 1819–1820 гг. входит в его штат и вместе с ним совершает ряд поездок по Сибири, работает над инженерными проектами, участвует в подготовке реформ по Сибири.

В мае 1821 г. совместно со штатом М.М. Сперанского прибывает в С.-Петербург и поступает на службу в Сибирский комитет. 29 января 1823 г. откомандирован в Отдельный корпус военных поселений под руководством генерала Аракчеева. 25 января 1824 г. «за отличие по службе» произведён в подполковники.

Зимой 1825 г. начинает встречаться с членами тайных обществ. 14 ноября 1825 г. по собственному прошению получил отставку от службы и намеревался выехать на Аляску для службы в Российско-Американской компании. 13 декабря 1825 г. участвовал в последнем собрании заговорщиков у Рылеева, но непосредственно в выступлении на Сенатской площади не был.

28 декабря 1825 г. арестован и заключён в Петропавловскую крепость. 5 июля 1826 г.

после следствия осуждён Верховным уголовным судом по III разряду и приговорён по лишении чинов и дворянства к ссылке навечно в каторжные работы. Затем вечная каторга была ему заменена на 25 лет. Но все эти годы он оставался в заключении в крепости.

31 января 1846 г. ему сообщили об освобождении из Алексеевского рavelина и высылке на поселение в Томск, куда он прибыл 11 марта.

11 сентября 1856 г. он по амнистии покинул Сибирь и поехал в Тульскую губернию к друзьям Елагиным. 29 октября 1863 г. умер в Калуге и был похоронен в селе Петрищеве рядом с могилой своего друга А.А. Елагина.

Публикации о Батенькове: вопросы и проблемы исследования

Сейчас о подобных личностях принято говорить: «Человек трудной судьбы». А тут и внезапный взлёт, и падение, и едва ли не полное забвение, и, наконец, несомненный интерес со стороны исследователей XIX–XX вв. Сведения о Гаврииле Степановиче можно найти во всевозможных изданиях, как научных, так и популярных. В Калуге существует музей его имени. А потому приведём некоторые сведения из основных изданий, заслуживающих, на наш взгляд, особого внимания.

Так, в дореволюционных справочных изданиях авторы биографических материалов о Г.С. Батенькове весьма сдержанно пишут о его детстве и юности и совсем не затрагивают сведений о его родителях или других родственниках. Так, в «Русском биографическом словаре» (переизданном в 1998 г.) сообщается лишь, что будущий декабрист появился на свет в Тобольске 25 марта 1793 г. Там же весьма скупо сообщается о его отце, имевшем чин обер-офицера, и отсутствуют какие-либо сведения о матери будущего декабриста. Желающих узнать какие-либо подробности отсылают к автобиографическим запискам автора, изданным в «Русском архиве» в 1881 г. (Кн. II). Единственное, что мы можем узнать о детстве Батенькова на страницах почтенного издания, это: *«Хилый от рождения, он всю жизнь отличался нервностью, душевной неустойчивостью. Рано развились в нём мистическая религиозность и повышенная вдумчивость»*.

А в сборнике материалов, изданных к 200-летию со дня рождения Батенькова,

упоминается о том, что ребёнок с момента рождения выглядел *«совершенно мёртвым»* и первый раз вздохнул только в гробике. Почему он оказался в «гробике», мы можем лишь догадываться...

Зато «Большая советская энциклопедия» со знанием дела и ничуть в этом не сомневаясь, сообщает, что Батеньков Гавриил Степанович родился в Томске (?!). На страницах интернет-изданий в так называемой «Большой биографической энциклопедии» о Батенькове написано следующее: *«из дворян Тобольской губернии»*, и приводятся годы жизни его отца: *«около 1733 — не позднее 1810»*, а также о том, что *«мать Батенькова до замужества носила фамилию Урванцева»*, но имя её опять же не сообщается.

Особо хотелось бы выделить из других изданий выпущенный в 1989 г. в Иркутске альманах «Полярная звезда», где в первом томе представлены «Сочинения и письма Г.С. Батенькова» со вступительным очерком А.А. Брегман. Именно там содержится наиболее подробный материал о детстве Гавриила Степановича и некоторые сведения о его родителях и ближнем окружении в период жизни в Тобольске. Но многие факты, приводимые автором очерка, на наш взгляд, не имеют под собой документальной основы или требуют определённых пояснений. Так, автор почему-то считает, что: *«Гавриил Степанович Батеньков родился 28 марта 1793 года»*, хотя в иных изданиях указывается более раннее число его рождения, а именно 25 марта 1793 г. Чем руководствовалась А.А. Брегман, предложив иную дату рождения Батенькова, нам неизвестно [5].

Вслед за тем автор очерка касается некоторых подробностей из детских лет Гавриила, сообщив, что он был двадцатым ребёнком у шестидесятилетнего отставного обер-офицера Степана Батенькова. И далее он пишет: *«Имени матери установить не удалось, но известно, что она была из мещанско-купеческого рода сибиряков Урванцевых. Отец декабриста женился на ней после смерти первой жены»*. При этом не приводится никаких ссылок на архивные данные, а поэтому мы просто должны верить автору на слово.

Далее следуют новые семейные подробности: *«Детство Батенькова протекало в патриархальной религиозной семье, где даже пожилой отец не мог ничего решить без ведома своих родителей. Религиозность*

воспитывалась в ребёнке с младенчества». Выходит, в юности Гавриил застал в живых родителей своего отца, имевшего к тому времени довольно солидный возраст — шестьдесят лет.

Затем автор очерка переходит к описанию процесса обучения Гавриила: *«Первоначальные основы грамоты мальчик приобрёл самостоятельно. По словам Батенькова, он научился и читать, и писать с помощью букв, рисованных на карточках»*. И далее: *«Писать он начал вдруг сам, без приготовления, разумеется, не каллиграфическими и едва ли не прежде всего татарскими буквами»* (?!). Тут уже возникает новый непростой вопрос о национальности будущего декабриста, которая доселе не подвергалась сомнению. Как мог мальчик в русской семье писать *«прежде всего татарскими буквами»*? К тому же, как известно, сибирские татары собственной письменности не имели, а пользовались арабским алфавитом. Тут есть над чем поразмышлять будущим исследователям.

В своих воспоминаниях Батеньков упоминает о своём близком родстве со священником Иосифом Гигановым, который, судя по всему, оказал определённое влияние на самообразование мальчика. И.И. Гиганов (1764–1800) служил иереем Тобольского кафедрального Софийско-Успенского собора, вёл класс татарского языка в Тобольской духовной семинарии, а также учительствовал в Тобольском главном народном училище, где обучал воспитанников татарскому языку. Он был автором одной из первых известных нам грамматик татарского языка, которая была закончена им в 1789 г. и издана в 1801 г. в Санкт-Петербурге. Кроме грамматики Гиганов являлся составителем словарей: татарско-русского и русско-татарского. Трудам Гиганова дали высокую оценку известные русские тюркологи В.В. Григорьев [1], А.Е. Крымский и др. Научные труды Гиганова пользовались большой популярностью среди представителей интеллигенции из сибирских татар и бухарцев, а также мусульманского духовенства из Тобольска и других городов Сибири. По этому поводу татарская общественность даже направила благодарственное послание императору Александру I. Вполне возможно предположить, что знание татарского языка он получил от своих предков, крещёных татар, что для Сибири XVIII в. было вполне заурядным явлением.

«Но весь я не умру...»

Себе я не воздвиг литого монумента...
Но весь я не умру: неведомый потомок
В пыли минувшего разыщет стёртый след
И скажет: «Жил поэт, чей голос был негромок,
А всё ж дошёл до нас сквозь толщу многих лет».
Узнают обо мне в России необъятной
Лишь те безумцы, чей мне сродствен странный дух...

Гавриил Батеньков

Просматривая в Тобольском архиве документы конца XVIII века, неожиданно наткнулся на фамилию Батеньковых. Потому представлю выписки из документов (Духовные росписи, или, как их ещё именуют меж собой поисковики-родоведы коротко и по-свойски, — «исповедки») в хронологическом порядке. (Исповедальная ведомость, или Духовная роспись, — ежегодный отчётный документ, составляемый по каждому приходу православной церкви в Российской империи в XVIII — начале XX вв. и представляющий собой посемейный список всех проживающих на его территории прихожан с указанием для каждого человека, был ли он в этом году на исповеди и причащался ли у своего священника, а если нет, то по какой причине.)

1792 год. Приход Сретенского храма

Андрей Иванович Прянишников — 56 лет,
Жена его Екатерина Михайловна — 50 лет,
Мать его вдова Евдокия Корниловна — 85 лет,
Слуга их вдова Христина Параскеевна — 33 года,
Дети её: Михаил — 11, Екатерина — 8 лет.
Зять их прапорщик 2-го батальона **Стефан Герасимович Батеньков** — 52 года,
Жена его Анастасия Андреевна — 29 лет,
Дети их: Николай — 11 лет, Пелагея — 1 год.

Все они были в указанном 1792 г. на исповеди в храме Сретенской (Пятницкой) церкви, а значит, и проживали где-то в её окрестностях. Но Гавриил в составе семьи ещё не значится. Кроме того, у мещанина Прянишникова (тестя Стеф(п)ана Батенькова, деда Гавриила) живут ещё десять человек, так называемых «посельщиков», т. е. квартирантов. Среди них «мещанская дочь девица Быстрова», «брат Андреев родной Алексей» с семейством, «цеховой Кропивин» с женой и тещей, а также «ученик его цеховой Василий Истомин» и т. п.

Как видим, тесть Стефана Батенькова — Андрей Иванович Прянишников — был человеком довольно состоятельным, коль скоро

содержал большой дом, где проживало несколько семей. Разница в возрасте между тестем и зятем всего четыре года. Год рождения самого Стефана Герасимовича, если верить его показаниям на исповеди, примерно 1740 г. А его жены Анастасии Андреевны — 1763 г. Разница в возрасте между ними весьма внушительная — 23 года.

Известно, что Стефан Герасимович был дважды женат. Сын Гавриил появился у него от второй жены, Анастасии Андреевны. При этом отцом он стал в возрасте 54 лет. Сам же Гавриил Степанович писал в своих записках «Данные. Повесть о собственной жизни», опубликованных в журнале «Русский архив» в 1881 г., что родился он у своего шестидесятилетнего отца двадцатым по счёту ребёнком [Батеньков Г.С., 2]. Если исходить из автобиографических записей самого Гавриила, где он называет себя двадцатым ребёнком в семье, то, несомненно, он имеет в виду первую семью отца. Но, опять же, в своих письмах или иных документах он ни разу не упоминает кого-то из них.

Удивляет также разница в возрасте между их детьми Николаем — 11 лет и Пелагеей — 1 год. Кроме того, нам известно, Стефан Герасимович женился второй раз в возрасте около 40 лет, но причины при этом могли быть самые разные. Нам неизвестно, где и когда случился первый брак Стефана Батенькова, как и имена детей, рождённых от первой супруги. На этот счёт можно лишь строить те или иные предположения.

1793 г. проходит для мещан Прянишниковых и семьи Батеньковых, судя по записям в «Духовных росписях», без особых изменений. Разве что все члены семьи повзрослели на год, о чём, собственно, и сообщается в документе. Да ещё к числу прочих жильцов прибавляется «*вдова купецкая жена Евдокия Назаровна Прянишникова — 59 лет*», а также ещё несколько «подворников», говоря современным языком — квартирантов. Но имени Гавриила пока нет. А ведь во всех справочных изданиях указывается именно 1793 год его рождения!

В Тобольском архиве находятся «Метрические книги» (или просто — «метрики»), куда внесены записи о всех родившихся, венчавшихся и умерших прихожанах этого прихода с указанием даты события, имени, фамилии и социального состояния каждого. В графе «рождены» среди прихожан Сретенской церкви за 1793 г. есть следующая запись:

1793 год, 8 февраля. У третьего батальона у прапорщика Стефана Батенькова родилась дочь Анна.

У неё были восприемники: второго батальона адъютант Пётр Ковригин, мещанина Михаила Уроткова жена его Мария Петровна.

Как можно объяснить, что вместо Гавриила находим Анну? И в следующем 1794 г. у Батеньковых ни в графе «рождены», ни в графе «умерли» появление новых детей или их смерть не значится. Вероятно, высокой младенческой смертностью. Имя Гавриила удалось отыскать, но не в «Метриках» среди рождённых и прошедших обряд крещения, а всё в тех же «Исповедальных росписях» за 1795 г.

Итак, **год 1795-й**. Всё тот же приход Сретенской церкви. Семейство Батеньковых:

3-го батальона прапорщик Стефан Герасимович Батеньков — 55 лет,
жена его Анастасия Андреевна — 32 года,
дети их: Гавриил — 1 год, Пелагея — 3 года.

Следовательно, год его рождения 1794-й. Но при этом в записях отсутствует его старший брат Николай. Что с ним произошло на первом этапе поисков, было неясно. Видимо, и дальше оставалось лишь предполагать по поводу его исчезновения из исповедальных списков, что он или умер, или устроился на службу в каком-то ведомстве и по этой причине покинул Тобольск. Не найдена запись о нём в метриках за разные годы среди умерших. И, что любопытно, в воспоминаниях самого Гавриила Степановича ни брат Николай, ни его родная сестра ни разу не упоминаются, впрочем, как и имена отца и матери. Вопрос этот был разрешён после знакомства с выпиской из исповедальной ведомости:

Исповедные росписи Крестовоздвиженской церкви города Тобольска за 1794 г.

Мещане.

Мещанина Алексея Львова Нефедьева жена Агрипина Иванова — 60 лет,

Внучек её сержант Николай Стефанов Батеньков — 13 лет,

Сестра её вдова дворянская жена Марфа Иванова Астраханцова — 57 [3].

Значит, Николай Батеньков — сын Стефана Герасимовича от первой жены, и в его второй семье если проживал, то лишь какое-то

время. Становится известна фамилия первой жены Стефана Герасимовича — Нефедьева. Агрипина Ивановна Нефедьева является первой тётшей Стефана Батенькова. Вот что по этому поводу пишет Гавриил Степанович в своих воспоминаниях:

«У меня много было бабушек, все они добрые, кормили пряниками и потчевали другими сластями. Одна только из них была гордая, строгая, сущая аристократка. Это мать первой жены отца и родная бабка моему старшему брату.

Прогневавшись на вторую женитьбу, она запретила внуку называть мачеху матерью и детей её братом и сестрою. Повиновение было безусловное, и хотя брат был уже поручиком, не смел ослушаться, пока она была жива. Никогда у нас не бывала, и только тайно посещала нас её другая, добрая сестра.

Мы одни с отцом являлись к ней. Я получил, не знаю уже какой заслугой, обильную дачу коврижек и право называть её бабушкой, но не всегда просто, а более с эпитетом "бабушка Николаевна". Под конец и с брата Николая снялось запрещение хотя робко, не совсем решительно, но называть меня этим дорогим именем» [Батеньков Г.С., 2].

Теперь окончательно понятно, почему имя его старшего брата Николая не всегда упоминается в записях тех, кто присутствовал на исповеди в Сретенской церкви вместе со второй семьёй своего отца. Он в это время проживал у своей родной бабушки Агрипины Ивановны, которая противилась второму браку бывшего зятя. А в 13 лет Николай уже числится сержантом. Это довольно распространённое явление, когда подросток из дворянской семьи начинал самостоятельную государственную службу в каком-то государственном ведомстве.

Глава тобольского клана Пётр Нефедьев в «Переписи князя Мещерского в 1710 г.» значится как дворянин, ему 34 года. На момент переписи он находился в Москве, а в Тобольске проживала его жена Анна Григорьева 26 лет и их сын Лев двух лет. Кроме этого, Пётр Нефедьев окружил себя «купленными дворовыми» общим числом около 15 человек. Многие из них значились людьми «чухонской породы», ранее служившими в шведских войсках. Они были взяты в плен под Нарвой Петром Нефедьевым в Москве. Другая часть дворовых записана как люди «калмыцкой и остяцкой породы». Такой интернационал,

говорящий о многонациональном составе сибирского общества того времени. Поэтому можно с полным основанием смело заявить, из какого рода была первая супруга Стефана Батенькова. Кстати, в «Переписи князя Мещерского» указано имя Петра Нефедьева — Лев. В другом архивном документе есть упоминание о семействе Нефедьевых:

Ревизские сказки о купцах и посадских людях г. Тобольска и Тобольского уезда 1762–1764 гг.

Лев Нефедьев 60 — умер в 1746 г. (тобольский купец 1-й гильдии, ратман Тобольского магистрата в 1744–45 гг.),

сын его **Алексей 12–30** (указан его возраст во время предыдущей ревизии. — *Авт.*),

жена его **Аграфена Ивановна Невалина** посадская дочь 30,

дети его: Пётр 5,

Авдотья 10 [4].

Возможно, в одном из документов идёт путаница с именами: Агрипина и Аграфена, что в документах того времени наблюдается довольно часто. А вот имя первой жены Стефана Батенькова и дату их венчания найти пока не удалось. Остаётся надеяться, что дальнейшие исследования прольют свет на этот вопрос.

Итак, если Гавриил родился не раньше 1794 г., то указанный во всех его биографических изданиях 1793 г. как год его рождения неверен. Казалось бы, чего проще — удостовериться в этом, просмотрев графу «рождённые» всё в тех же церковных метриках. Но тут возникла едва ли не главная загадка биографии Батенькова, разрешения которой так и не найдено.

В метриках за 1795 г. обнаруживаем, что и в следующем году их семейство пополнилось прибавлением очередного сына:

Приход Сретенской церкви. 25 мая 1795 г.

У 2-го батальона прапорщика Стефана Батенькова родился сын Пётр.

У него были восприемники: мещанин Иван Петрович Пятков, мещанина Ивана Уроткова жена Мария.

Но саму запись о дате рождения Гавриила в метриках г. Тобольска за разные годы конца XVIII столетия и в разных церковных приходах найти так и не удалось. Нет и отметки о смерти Анны и Петра Батеньковых, о чём

мы можем вполне закономерно предположить, поскольку их имена в дальнейшем в исповедальных росписях не фигурируют. Запись о крещении Гавриила при изучении метрик из других приходов выявить не удалось. Судя по документам, родители стабильно проживали в своём приходе, здесь же, в Сретенской церкви, были окрещены другие их дети. Но твёрдо можно сказать: в марте 1793 г. в семействе Батеньковых никто родиться не мог. Анна Андреевна ранее ноября – декабря не могла родить в силу законов природы, стоит к февралю прибавить девять месяцев. Тут более приемлемо другое предположение, а именно: Гавриил — **приёмный сын** в семействе Батеньковых (!). Если представить, что после смерти их сына Николая в 1794–1795 гг. умирают двое новорождённых, семья в отчаянье... Выход напрашивается сам собой – взять приёмного ребенка из другой семьи. Это мог быть кто-то из крепостных или дворовых людей, а мог быть ребёнок родственников, а то и просто знакомых им людей.

Интересно и то, что в более поздних «Духовных росписях», соотнося возраст Гавриила с годом рождения, получается именно 1793 год! А, как было сказано выше, родиться в этом году в семье Батеньковых Гавриил просто не мог.

На одних предположениях не опровергнуть общепринятые истины. Но цель нашей работы — показать, что с биографией Г.С. Батенькова не всё ладно, не всё подтверждается документами. Остаётся надежда, что кто-то из исследователей найдёт новые документы, которые и прольют свет на биографию декабриста-сибиряка. Наша задача — указать направление поиска.

Если всё же Гавриил родился в семье Батеньковых, то это могло произойти не позже августа 1794 г., поскольку 25 мая 1795 г. на свет появился Пётр Батеньков. Но если 8 февраля 1793 г. родилась его родная сестра Анна, то следующего ребёнка Анастасия Андреевна могла произвести на свет не ранее октября 1793 г.

То есть рождение Гавриила могло произойти в период с октября 1793 г. по август 1794 г. А если принять во внимание наречение его именем Гавриил, чьи именины приходятся на 8 апреля по новому стилю, а по старому стилю в 20-х числах **марта 1794 г.**, то хотя на сегодня точную дату рождения Гавриила Степановича Батенькова установить не удалось,

поскольку запись об этом нами не обнаружена, но внесена ясность с годом его рождения — 1794 г. Вернёмся всё к тем же «Исповедным росписям» и проследим состав семьи Батеньковых на протяжении нескольких лет начала XIX в.

1802 год. Приход Сретенской (Пятницкой) церкви. Военные

Первым в списке прихожан стоит некий Савелий Петрович Козлов, штатных рот капитан,

а за ним:

Прапорщик Стефан Герасимович Батеньков — 68 лет,

жена его Анастасия Андреевна — 34 года,
дети их: **Гавриил — 8 лет**, Пелагея — 11 лет.

У них живут:

мещанин Андрей Иванович Прянишников — 64 года,

жена его Матрёна Михайловна — 60 лет.

Дворовые их люди:

вдова крестьянская Христина Патрикеева — 42 года,

дети её: Михаил — 20 лет, Екатерина — 18 лет.

У них живут: вдова мещанская Евдокия Назаровна Прянишникова — 66 лет,

мещанин Михаил Иванович Руковишников — 35 лет,

жена его Мария Фёдоровна — 23 года.

И внизу приписка:

были у исповеди 4 марта 1802 года.

Пропустим следующий год, тем более что состав семьи Батеньковых не меняется.

1803 г. Стефан Герасимович Батеньков — 70 лет,

Жена его Анастасия Андреевна — 40 лет,

Гавриил — 10 лет, Пелагея — 15 лет.

Пусть читателя не смущает путаница с возрастом у наших предков того времени. Судя по всему, числу своих лет они не придавали существенного значения и определяли его по памяти, наугад, весьма приблизительно. Да и свой день рождения в то время праздновать было не принято, поскольку в большинстве своём наши предки, будучи людьми православными, отмечали день своего небесного покровителя, чьё имя получали при крещении.

В 1804 г. состав семьи Батеньковых сохраняется. А вот Гавриил в свои 11 лет указан

как «государев школьник», но уже в следующем 1805 г. он означен как «кантонист».

Кантонист, или государев школьник

Надо полагать, что он, будучи «государевым школьником», находился на государственном обеспечении, то есть был обут, одет и накормлен. И освобождался от платы за обучение. Такими льготами в дореволюционной России пользовались дети военных. А вот такой термин, как «*кантонист*», современному читателю вряд ли понятен. Он пришёл к нам из Пруссии в том же XVIII в. Зато более привычны так называемые «*военно-сиротские отделения*» или «*гарнизонные школы*».

Одно из таких учебных заведений существовало в Тобольске с 1797 г. В нём по штату могло обучаться около ста детей с семи лет. Но затем число учащихся было увеличено до 500 человек. А уже с 1810 г. Тобольское военно-сиротское отделение было преобразовано и значилось как учебное заведение 1-го разряда. В нём на тот период числилось 574 человека, находящихся на казённом содержании, и ещё 314 учеников проживали у своих родственников или просто знакомых.

Если говорить о термине «кантонист», то он был заимствован из Европы, но просуществовал незначительное время. Так именовали в ряде случаев солдатских сыновей, проходивших обучение различным военным специальностям. В этих полувоспитательных школах, как правило, солдатских детей обучали сопутствующим военному делу профессиям. Из них выходили: шорники, плотники, цирюльники, музыканты и т. п.

В то же время в школах кантонистов, состоящих при гарнизонах, будущих военных обучали грамоте, основам математики, различным дисциплинам или ремёслам. Такие школы впервые появились ещё в 1721 г. при каждом полку по указанию Петра I. А в 1758 г. всех мальчиков, рождённых в семьях служивых людей, обязали учиться в них.

С 1805 по 1856 г. при гарнизонах в специальных школах для подростков велась их подготовка к будущей службе, поскольку с момента призыва как сам рекрут, так и его будущие дети приписывались к военному ведомству. Тех, кто пытался скрыть факт рождения в таких семьях мальчиков, облагали специальными штрафами, а то и прибегали к телесным наказаниям.

Начав обучение в 11 лет (в 1804 г.), Гавриил, судя по всему, проживал в родительском доме. Состав семьи не менялся вплоть до 1809 г. В этот год или годом раньше ушёл из жизни его отец Стефан Герасимович Батеньков. И уже затем следует такая запись членов семьи, пришедших на исповедь:

1809 г. Приход Сретенской церкви

Вдова прапорщицкая Анастасия Андреевна Батенькова — 45 лет,

Дети её: кантонист Гавриил — 16 лет, Пелагея — 19 лет.

И последнюю запись, когда вместе со всей семьёй на исповеди в родовом храме присутствовал будущий декабрист, встречаем за 1811 г.

В приходе Сретенской церкви за 1811 г.

Умершего прапорщика жена Анастасия Андреевна — 40 лет,

дети её: Гаврил — 17 лет, Пелагея — 19 лет,

Мать её, вдова мещанская Матрёна Михайловна Прянишникова — 65 лет,

Отпущенница их девица Екатерина Фёдорова — 24 года.

Следовательно, до замужества мать Гавриила Степановича носила фамилию **Прянишникова**. Почему же Батеньков указывает в собственной автобиографии своё происхождение от неких Урванцевых, остаётся неясным. Попутно заметим, что не совсем верно излагаются факты его биографии в некоторых биографических исследованиях о Батенькове: «После смерти отца Батеньков был определён в военно-сиротское отделение Главного народного училища». Тут мы видим сразу три ошибки.

Во-первых, Стефан Герасимович Батеньков умирает около 1808–1809 гг., а Гавриил уже с 1804 г. числится как «государев школьник», то есть ещё за несколько лет до его смерти. Во-вторых, в здании народного училища в своё время размещалась школа геодезистов, а не военно-сиротское отделение. В-третьих, народное училище и школа геодезистов подчинялись разным ведомствам, а лишь размещались в одном помещении. Таким образом, исследователи жизни и деятельности сибиряка-декабриста довольно поверхностно изучили его биографию, прибавив к имеющимся уже «белым пятнам» ещё и другие.

В 1811 г. Гавриил покидает Тобольск и направляется в С.-Петербург, где продолжает обучение в Дворянском полку как сын офицера в военном учебном заведении при 2-м кадетском корпусе, откуда был выпущен прапорщиком и направлен в 13-ю артиллерийскую бригаду. В Тобольск он вернётся на короткий срок лишь через 5 лет.

После отъезда Гавриила из Тобольска в 1811 г., согласно записям в «Духовных росписях» Сретенской церкви с 1812 и по 1814 г., регулярно исповедуются его мать Анастасия Андреевна и его сестра Пелагея, а также его родная бабушка Матрёна Михайловна Прянишникова.

В 1815 г. сестра Батенькова выходит замуж в возрасте 23 лет за некоего мещанина Петра Григорьевича Старцева, но в тот же год или, скорее всего, в следующем, 1816 г., она умирает. На исповеди в этот год были лишь:

Анастасия Андреевна Батенькова — 45 лет,
зять её мещанин Пётр Григорьевич Старцев — 24 года.

Вот, казалось бы, и всё. Найдены новые факты, открыты новые имена и даты из жизни единственного декабриста, родившегося в Сибири. Недаром он себя называл «беспокойным человеком», хлопот с выяснением его подлинной биографии оказалось предостаточно.

Сибирские корни будущего декабриста

От екатеринбургских друзей-родоведов пришло любопытное сообщение о родословной отца Батенькова. Из него следовало, что с начала XVIII в. семейство Батеньковых проживало в одной из уральских деревень, где и родился отец будущего декабриста — Стефан Гаврилович, в дальнейшем обосновавшийся в Тобольске. Из родной деревни Ощепково он был забран в рекруты. Факт этой находки принадлежит исследовательнице из уральского города Реж Н.А. Медведевой. Приведём некоторые выдержки из её публикации.

Так, в переписях Верхотурского уезда за 1680 г. впервые упоминается деревня Ощепково, относившаяся тогда к Арамашевской слободе (ныне село Арамашево Алапаевского района), населённая уроженцами Соликамского, Казанского, Галицкого и Верхотурского уездов [Коновалов Ю.В., 5]. Сама деревня находилась на берегу реки Реж, и было в ней

всего семь дворов. Где-то около 1719 г. в Ощепково обосновалась семья во главе с Петром Аникиевичем Батеньковым [6].

В «Ревизских сказках» за 1747 г. указывается, что у Петра были сын Герасим 29 лет, имевший, в свою очередь, трёх сыновей: Степана пяти лет, Василия двух лет и Марко двух недель [7]. Крестили новорождённых в храме Казанской иконы Божьей Матери в Арамашевской слободе.

А далее самое главное: в 1756 г. старший сын **Стефан из семьи Батеньковых** в возрасте 16 лет был взят в рекруты [8].

В то время Россия участвовала в Семилетней войне, и вполне возможно, что он побывал в заграничных походах нашей армии и стал участником многих битв и сражений. Не исключено, что С.Г. Батеньков именно там проявил себя как храбрый воин. В любом случае Стефан Герасимович Батеньков сумел зарекомендовать себя во время армейской службы, за что и был произведён в обер-офицеры, а также получил за свою службу дворянство. Каким образом и когда он оказался в Тобольске, ещё предстоит выяснить.

Узнав о происхождении отца Гавриила, хотелось бы получить более подробные сведения в этом плане о его матери Анастасии Андреевне, до замужества носившей фамилию **Прянишников**. Её отец — Андрей Иванович, мать — Матрёна Михайловна (дед и бабушка Гавриила) проживали с престарелой матерью хозяина дома — Евдокией Корниловной Прянишниковой 85 лет (1707 г. р.), которая Гавриилу приходится прабабушкой. Отсюда нетрудно установить примерные годы рождения Прянишниковых: Андрея Ивановича — 1736 г. р. и Матрёны Михайловны — 1742 г. р. В метриках нашлась и дата их венчания:

В 1756 г. в приходе Христорождественской церкви венчаны 12 января 1756 г. посацкий Андрей Прянишников (1 брак) с посацкого человека Михаила Чоботникова дочерью Матрёною [9].

Таким образом, установлена и девичья фамилия бабушки Гавриила Батенькова — **Чоботникова**. Попутно отметим, что фамилия Прянишниковых в Тобольске для XVIII в. являлась весьма распространённой. Сведения об этом почерпнуты из «Переписной книги Тобольска» за 1710 г. Так, в приходе Богородицкой церкви находим:

«Двор купленной отставного архиерейского сын боярского Петра Григорьева сына Прянишникова сказал себе 50 лет у него жена Анна Степанова дочь 50 же лет сын архиерейской сын боярской Данило 25 лет брат родной Алексей 60 лет» [10].

Вряд ли все Прянишниковы состояли в родственной связи меж собой, но, скорее всего, все они являются сибирскими старожилами, и отец Батенькова породнился с кем-то из них.

Род Прянишниковых, судя по всему, берёт своё начало от «детей боярских». Боярские дети — один из классов, существовавший на Руси в XV–XVII веках, составивший средний класс дворянства. Был упразднён в ходе реформ Петра, но в Сибири представители его практически до конца XVIII столетия записывались как дети боярские.

И вновь возникает всё тот же вопрос: почему Г.С. Батеньков в автобиографических записках относит род своей матери к неким Урванцевым? Нам эта фамилия встретилась лишь единственный раз в документах Тобольского архива, где сообщается:

«5 октября 1774 г. венчался посадский Иван Григорьев Урванцов 2-ым браком с дочерью вдовы посадского Евдокии Прянишниковой Ивановой».

Но установить хотя бы относительное отдалённое родство найденных в архивных документах Урванцевых и их связь с родом Батеньковых нам не удалось.

Прапорщик Гавриил Батеньков в войне с Наполеоном

После окончания школы кантонистов в Тобольске Гавриил поступил для дальнейшего обучения во 2-й Петербургский кадетский корпус. Там он подружился с Владимиром Раевским, происходившим из семьи зажиточного помещика, поэтом и публицистом, будущим декабристом. Поскольку сам Гавриил был не чужд поэзии, то в скором времени он свёл знакомство с А.С. Грибоедовым и неоднократно встречался с А.С. Пушкиным. Возможно, именно эти встречи и романтические качества молодого человека, его врождённая склонность к сочинительству в дальнейшем поспособствовали развитию у него поэтического таланта.

В преддверии начала войны с армией Наполеона юные кадеты мечтали об участии в надвигающихся событиях и были готовы к защите Отечества. Как писал на этот счёт Батеньков:

«Мы развивали друг другу свободные идеи и желания наши... С ним в первый раз осмелился я говорить о царе яко о человеке и осуждать поступки цесаревича. В Сибири, моей родине, сие не бывает... Идя на войну, мы расстались друзьями и обещали сойтись, дабы позже привести идеи наши в действие».

Ему казалось, что сам царь был «как бы действующим лицом в деле освобождения России и приглашал» его «на сие поприще».

По окончании обучения 21 мая 1812 г. Гавриил Батеньков был выпущен в чине прапорщика. Напомним, именно прапорщиком числился его отец в документах своего прихода в Тобольске. То есть сын пошёл по стопам отца, но уже не рядовым, а в чине офицера. После вторжения в Россию войск Наполеона он был зачислен в 13-ю артиллерийскую бригаду и осенью принял участие в боевых действиях.

Его воинский путь на сегодняшний день довольно слабо изучен, но известно, что он участвовал в освобождении Варшавы и Кракова; в мае 1813 г. был ранен. За отличия в сражениях у крепостей Виттенберг и Магдебург произведён 17 декабря 1813 г. в подпоручики, за бой при Ла-Ротьере 20 января 1814 г. награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. После переименования бригады 23 сентября 1814 г. поступил в 27-ю артиллерийскую бригаду.

30 января 1814 г. в бою у Монмирая, находясь с двумя орудиями в арьергарде, он прикрывал отход войск генерал-лейтенанта Сакена. Попал в окружение и получил в рукопашной схватке около 10 штыковых ран, после чего попал в плен. По его собственным рассказам, французские солдаты спасли его и не дали истечь кровью на поле боя по той причине, что его руки были сложены в виде масонского знака. Кто-то из проходивших мимо офицеров обратил на это внимание и велел доставить его в госпиталь. Но уже через две недели (10.02.1814 г.) он был освобождён русскими войсками и, вернувшись в свою батарею, принял участие в дальнейших военных действиях.

Во время второго похода во Францию 1 апреля 1815 г. с корпусом Дохтурова участ-

вовал в заграничном походе. 11 января 1816 г. был переведён в 14-ю батарею роту 7-й бригады.

После окончания войны с Наполеоном служить дальше Гавриил не захотел, хотя перед ним как блестящим боевым офицером открывались перспективы дальнейшего повышения по военной службе, и по собственному прошению подал в отставку.

После отъезда Гавриила в С.-Петербург в Тобольске из близких ему людей у него осталась лишь мать — Анастасия Андреевна. К ней обращены письма сына из-за границы. (Письма находятся на хранении в Российской национальной библиотеке [11], архивах Томска и других фондах. В альманахе «Полярная звезда» было опубликовано 207 документальных свидетельств из эпистолярного наследия Г.С. Батенькова) [Батеньков Г.С., 12].

Первое письмо к матери в Тобольск датируется 25 ноября 1813 г. Отправлено оно из Дармштадта, где Батеньков в то время находился со своей частью на отдыхе после знаменитого сражения с войсками Наполеона под Лейпцигом. Начинается оно таким обращением: «*Милостивая госпожа матушка!*» — и далее сын описывает свои впечатления о последнем сражении и просит «*меньше заботиться обо мне*» и чаще писать, ибо её письма «*служат большим утешением в сердечной об вас тоске*». Далее он просит:

«*Засвидетельствуйте почтение моё бабушке и матушке крёстной. Сестрице не пишу я для того, что мало имею времени, но пусть прочтёт она письмо моё к Петру Афанасьевичу*».

Составители сборника в комментариях к письмам считают, что названным адресатом был Пётр Афанасьевич Меркушев — чиновник в Енисейской губернии, исправник в Ачинске и Минусинске, впоследствии окружной начальник в Минусинске. Далее передаются приветы:

«*Василию Марковичу, Марку Алексеевичу, Степаниде Корнильевне, Марку Петровичу, отцу Андрею ..., а особливо Петру Алексеевичу Ковригину, Наталье Антоновне и Авдотье Антоновне, а сестрица пусть уведомит обо мне Молокова*».

В тех же «Комментариях» составители сетуют: «Имени сестры декабриста установить не удалось», что лишний раз говорит о невнимании к одному из крупнейших

российских государственных архивов, находящемуся в Тобольске.

Инженер путей сообщения Сибирского округа

После возвращения в Россию Г.С. Батеньков 7 мая 1816 г. был уволен от службы «за ранами» в чине подпоручика. По его словам, военная служба тяготила его, он мечтал заняться «в тишине точными науками». Но если судить по содержанию стихов Батенькова, то это не совсем так, поскольку в те годы он склонялся к мысли совершить путешествие в Арктику [13]:

В стране Борея вечно льдистой,
Где нет движенья веществу,
Где магнетизм владеет чистый,
Все смерти дань, как божеству,
Где солнце полгода сияет,
Но косо падая на льдах,
Луч яркий в радужных цветах
Скользит и тотчас замерзает.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Правительство в трудные послевоенные годы не решилось на столь дерзкое мероприятие, средства нужны были совсем на другие цели.

Так и не став полярным исследователем, Гавриил осенью 1816 г. поступает в Институт корпуса инженеров путей сообщения, надеясь тем самым привнести свой весомый вклад для родной Сибири. Выдержав испытания, он получил чин поручика «со старшинством» и был назначен на должность инженера 3-го класса по корпусу инженеров путей сообщения. Для прохождения службы его направили в X (Сибирский) округ, что подтверждается выпиской из его «послужного списка» от 5 октября 1816 г. Ехать в Сибирь он, скорее всего, попросился сам, чтоб находиться рядом со своей престарелой матерью, живущей всё так же в Тобольске.

В родной город он прибыл 21 ноября 1816 г. и провёл в нём зиму. Информацию об этом мы можем получить из его личной переписки с Алексеем Андреевичем Елагиным, дружба с которым у него началась во время войны 1812 г., где они вместе служили в 13-й артиллерийской бригаде, и продолжалась вплоть до смерти Елагина в 1846 г. Батеньков получил должность строительного инженера

с назначением в Томск, куда переехал в марте 1817 г. Здесь он возглавил инженерно-технические работы непосредственно на территории самого города и окрестностей. Под его началом идёт ремонт старых деревянных мостовых, строится гравийное шоссе. Он проектирует обустройство ключей, снабжавших местных жителей питьевой водой, укрепляет набережную реки Ушайки, под его руководством был возведён Думский мост, прослуживший томичам около ста лет.

Ещё находясь в Петербурге (1816 г.), он вступил в масонскую ложу «Избранного Михаила», а будучи в Томске, не найдя применения своим духовным порывам, организовал там масонскую ложу под громким названием «Великое Светило». Это подтверждают его собственноручные записи: «...из семи или восьми человек составили правильную масонскую ложу, и истинно масонскую, ибо, кроме добра, ни о чём не помышляли».

Вот какой портрет нашего героя оставил для потомков один из его ближайших знакомых, притом неплохо владевший пером и слогом:

«Батеньков был довольно большого роста, сухощав, брюнет, с золотыми очками по близорукости; в фигуре его ничего не было замечательного, но рот и устройство губ поражали своей особенностью. Губы его не выражали ни злости, ни улыбки, но так и ожидаешь — вот-вот услышишь насмешку, сарказм. Дар говорить о чём угодно занимательно, весело и говорить целые часы — эта способность была изумительна! Готовность его на ответы и возражения не имела равного. Батеньков был незлобивого характера, добрейшего сердца. Учёность его была замечательна; он очень легко и много писал стихов; я много читал его басен, но и тут только сатира и сарказм более на известные лица и нравы» [Калашников И.Т., 14].

А другой его знакомый считал Батенькова человеком «блестящих способностей, обладавшим бойким пером и необыкновенным даром слова» [Стогов Э., 15].

И хотя друзья приглашали его перебраться в Петербург или в Москву, он не желал расставаться с Сибирью. В одном из писем Елагину он заявляет:

«Нет, мой милый, нелегко оставить Сибирь. Привязанность к той стороне, где, кажется, сама природа бросает только крошки безмерного своего достоинства, где живут в казнь за пре-

ступление и имя которой, как свист бича, устрашает, привязанность к этой стране Вам непонятна» [12].

Но уже в очередном послании из Томска к другу в мае 1817 г. его настроение резко меняется, о чём говорят такие строчки:

«Сибирь мне не нравится, но я прикован к ней волею матери и не смею подумать о всегдашнем переселении за черту Урала».

Эта мысль повторяется в другом (октябрьском) письме:

«Я привязан к Сибири волею матери, я одну её имею, и прочее всё мне чуждо по крови. Опять от неё удалиться для меня страшно, особливо когда нужды и болезни не оставляют меня преследовать».

И продолжает эту тему в декабрьском письме:

«Я скажу только, что служить в Сибири я никому не желаю, но жить в ней согласен до последнего издыхания».

В январе 1818 г. Гавриил Степанович приезжает по делам службы в Тобольск, где получает назначение на должность управляющего X округом путей сообщения, о чём незамедлительно сообщает Елагину: *«Здесь теперь посадили меня на воеводство».*

Но в Тобольске он служил недолго и вскоре по распоряжению Сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля вновь возвратился на место прежней службы в Томск.

В марте 1819 г. в следующем письме к Елагину и его жене он написал: *«одни составляют всю связь мою с миром»*, и ниже поясняет: *«целый мир иногда для нас заключается в одном существе — это существо для меня была мать».*

Вряд ли мы когда-нибудь сможем узнать, по какой именно причине не нашли взаимопонимание наш герой и Сибирский генерал-губернатор Иван Борисович Пестель (отец декабриста И.И. Пестеля). И тот, и другой имели непростой характер и свой взгляд на существующие порядки. Тем более что Пестель управлял Сибирью, проживая более десяти лет в столице, и вряд ли напрямую был знаком с управляющим путей сообщения. Впрочем, в тот же год он был снят с высокой должности и обвинён в превышении своих

полномочий. На его место с ревизией Сибири был направлен Михаил Сперанский.

Роковое знакомство и проекты под руководством М.М. Сперанского

Так случилось, что как раз в 1819 г. в Тобольске умирает мать Батенькова, о чём он сообщает Елагину в очередном письме:

«Между тем настал 1819 год, ужасный для меня, я лишился всего — нет уже моей матери, и Сибирь, с которой прервались, таким образом, все сердечные связи, сделалась для меня ужасною пустынею, темницею, совершенным адом».

В сборнике альманаха «Полярная звезда» на этот счёт приводятся сведения из Омского государственного архива, где находится на хранении письмо секретаря X округа путей сообщения К. Чернова от 17 марта 1819 г., посланное из Тобольска в Томск Батенькову. В нём он сообщает: *«Нанял читать Псалтырь за 15 рублей шесть недель»*, — имеется в виду по усопшей матери Батенькова.

На основе этого авторы «Комментариев» делают вывод: «Мать его умерла в Тобольске в конце января или начале февраля 1819 г.». В этом они правы. Но всё в тех же фондах Тобольского архива в метрических книгах в приходе Рождества Богородицы за 1819 г. приводятся более достоверные сведения на этот счет: *«13 февраля вдова поручица Анастасия Андреевна Батенькова 46 лет умре (чахотка)»* И чуть ниже: *«похоронена на городском кладбище»*. Сам Гавриил Степанович в это время находился в Томске.

Таким образом, в Сибири его больше ничто не удерживало, и он решил вернуться в Петербург. Но по дороге (где это произошло, нам неизвестно) в апреле 1819 г. Батеньков встретился с преемником Пестеля, новым Сибирским генерал-губернатором Михаилом Михайловичем Сперанским, пригласившим его к себе в сотрудники. При этом Батеньков был произведён в чин капитана (17.04.1819 г.). Вот как охарактеризовал он Сперанского:

«Он с первого свидания полюбил меня, и с сего времени моя жизнь получила особенное направление. Мы обратились в Иркутск. Он начал употреблять меня в дела и действительно обратил в юриста. Практика и образцовые творения сего мужа были для меня новым источником учения. Я сделался знатоком теории

законодательства и стал надеяться достигнуть первых гражданских должностей. В издании сибирского учреждения был первым сотрудником... Во всё время я видел в Сперанском человека необычайного ума и твёрдости, никогда не жаловался он на свою ссылку... При всей простоте обращения он всегда являлся на неприступной высоте» [16].

Сперанский поручил Батенькову разработать проект по укреплению берегов Ангары, исходя из скорости течения бурной реки. Затем он предпринял ряд поездок на южный берег Байкала, побывал в селениях Посольском, Селенге, Кяхте.

В тот же период Гавриил Степанович познакомился с полярным исследователем М.М. Геденштромом и разработал с ним проект новой дороги, проходящей по берегам Байкала. К сожалению, воплотить в жизнь свой проект не удалось, и дорогу проложили лишь через несколько десятков лет. В дальнейшем по этому маршруту проложили трассу Транссиба. Личность Геденштрома, если её соотносить с реалиями дня сегодняшнего, однозначно будет восприниматься нами как личность человека авантюристического склада, который зачастую путал собственный карман с государственным.

Матвей Матвеевич Геденштром (1780 (81), Рига — 1845 г. д. Хайдукова близ г. Томска) — надворный советник, исследователь севера Сибири. Происходил из семьи шведских эмигрантов. Не окончив Юрьевский университет, поступил на службу в Ревельскую таможню, где и попал под суд по делу о контрабанде и был выслан в Сибирь. По некоторым сведениям, его покровителем был не кто иной, как сам министр иностранных дел граф Румянцев, чьи махинации и взял на себя недоучившийся студент. Но граф не забыл о его услуге, и по его ходатайству в 1808 г. тот был назначен руководителем полярной экспедиции по изучению ранее неописанных островов в Ледовитом океане, где сибирские промысловики добывали песцов и бивни мамонта. И хотя первоначально Геденштром не имел понятия, как обращаться с геодезическим оборудованием, впрочем, так же как и остальные его спутники, но освоил работу с приборами по ходу дела и составил подробную карту островов, назвав их Новосибирскими островами. Одним из участников экспедиции был купец Санников, который увидел легендарную землю, названную затем его именем. Поэтому

неудивительно, что этот человек быстро нашёл общий язык с будущим декабристом.

По замыслу Сперанского, Сибирь нуждалась в проведении давно назревших реформ, что дало бы ей возможность дальнейшего развития. Прежде всего следовало менять систему административного управления краем, вводить новые формы в работе и надзоре за ссыльными и поселенцами. Кроме того, следовало срочно менять методы управления инородцами. Для этой цели он собрал вокруг себя единомышленников, в число которых привлёк и Батенькова. Прежде всего тому предстояло собрать сведения о географическом местонахождении всех (!) сибирских регионов, включая данные о климатических условиях, добыче полезных ископаемых, народонаселении и пр. Но Гавриил Степанович, с готовностью откликнувшийся на выполнение столь немислимых задач, во многом превзошёл первоначальные планы, преуспев не только в сборе тех или иных сведений, но и взявшись за написание новых законодательных положений. Одним из первых он подготовил трактат «О ссылке и ссыльных».

Затем собрал описания Тобольской, Томской и Иркутской губерний, которые в разное время были составлены сибирскими землемерами А. Лосевым, С. Зверевым, В. Филимоновым.

Его перу принадлежит серьёзное исследование «О заселении Сибири» и статья «Общий взгляд на Сибирь», опубликованные в журнале «Сын Отечества» (1822–1823). В них он рассматривает степень изученности внешних границ России, которые, на его взгляд, недостаточно исследованы и описаны. Особенно ждут отдельного изучения границы Сибири, не говоря уже об отдельных труднодоступных уголках этого обширного края. Там же он предлагает внести коренные изменения в «гражданское устройство Сибири», которое «должно строиться не по широтным зонам», а иначе. Но при этом оговаривается, что если создать отдельный административный орган по управлению Севером, то следует «приноровить административную деятельность к обычаям, добрым нравам и преданиям коренных жителей». Отдалённость от центральных областей северных территорий, отсутствие путей сообщения с ними, а также зависимость в продовольственном отношении от южной части страны делают создание такого органа управления невозможным.

Одним из первых он предложил разделить Сибирь в административном плане на Западную и Восточную и ввести раздельное их управление. Там же Батеньков обращает внимание на северные границы Сибири, в том числе и берега Ледовитого моря. И сетует, что *«по трудности астрономических наблюдений в полярных странах <...> многие места на означенных берегах ещё не определены с точностью»*. Указывает на ряд неточностей на географических картах, содержащих порой ошибочные сведения [Батеньков Г.С., 17].

Далее он приводит причины, которые мешают устранению допущенных ошибок, заключающиеся в подготовке профессиональных геодезистов и картографов. По его сведению, около 1714 г. по распоряжению Петра I в Сибири были открыты Геодезические училища, находящиеся в Тобольске, Иркутске и Охотске. Но значительная часть их выпускников была задействована для изучения лесов, службы на флоте, в горной промышленности. Так, в качестве штурманов на Балтийское море из Сибири было направлено в разные годы около 40 человек. А к концу XVIII в. геодезические училища в Сибири полностью прекратили свое существование. Другой немаловажной причиной отсутствия точных сведений о границах Сибири, по его словам, стали частые пожары — «истреблены все произведения прежних геодезистов».

В составленном им «Положении о приведении в известность земель Сибири» Батеньков предлагает снарядить особую «землеописательную экспедицию», находящуюся в ведении Сибирского генерал-губернатора. Для проведения исследований её следует обеспечить учебными пособиями и всеми необходимыми приборами. В состав экспедиции должны войти 12 офицеров и 50 топографов. Стоимость расходов, по его подсчётам, должна составить 116 тыс. руб., не считая жалованья участникам экспедиции и затрат на её снаряжение.

Нам, современникам, остаётся только удивляться грандиозным замыслам нашего земляка, который два столетия тому назад строил планы по освоению и изучению Сибири, до которых у нас, следует честно признать, руки дошли лишь много лет спустя.

Но это далеко не полный перечень интересов тобольского выпускника школы кантонистов. Его интересует этнический состав коренного населения Сибири. Так, он подчёр-

кивает, что присоединение Сибири «не было сопровождаемо опустошениями», когда первые землепроходцы принуждали бы многочисленные племена и народности «переменять веру, обычай, язык». Батеньков проанализировал процесс заселения русским населением Сибири и дал характеристику численного состава населения в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, в Якутской и Камчатской областях, в Охотском приморском управлении.

По его классификации, все сибирские «инородцы», как писали тогда, делятся на три разряда: оседлые, кочевые (полуоседлые) и бродячие. На основе этого им был разработан «Устав об управлении инородцами», который лёг в основу будущего закона на этот счёт. Там же он предложил способы и наметил меры по поднятию общественной и культурной жизни сибирских народностей до уровня русского населения, дал предложения, как обеспечить их переход от кочевого и бродячего образа жизни к оседлому, склонить к занятиям земледелием, для чего выделить особые пригодные для этого земли. По его мнению, *«Сибирь содержит в себе богатый запас земель, обеспечивающий изобилие наших земледельцев на неисчислимое время»* [Батеньков Г.С., 18. С. 14].

В более ранней его работе, названной «Табель населения Сибири по климатам», он предложил вести изучение всей территории Сибири в зависимости от климатических особенностей тех или иных регионов. Они ввёл такие понятия, как Северная, Средняя и Южная климатические полосы.

Его труд включал и классификацию земель, находящихся за Уралом. Он разделил их на четыре основные группы: 1) тундра и топи; 2) степи и солончаки; 3) плоскогорья и горы средней величины; 4) высокие горы. Понятно, что в настоящее время подобная классификация может вызвать улыбку специалиста, но не надо забывать, что Батеньков был одним из первых, кто подошёл к данному вопросу с позиций энциклопедиста, не оставив без внимания ни одну из характеристик слабо изученного края. Первым всегда трудно, и они по ряду причин обычно не остаются в нашей памяти. Но... дорогу осилит идущий.

Его проект был направлен в Главный штаб, но планы сибирских реформаторов оказались столичным деятелям чересчур грандиозными, и его передали в Сибирский

комитет. Там решили провести исследование лишь тех земель, что считались плодородными и были пригодны для пашни.

Но это далеко не все исследования «беспокойного человека», имя которого современные учёные стараются не упоминать в историографических работах по изучению тех или иных вопросов, связанных с сибирской историей. В другой своей публикации «О дорогах Сибири» он назвал главную причину, мешающую развитию экономики края, заключающуюся в бедственном состоянии транспортных путей сообщения, которые были проложены с незапамятных времён и во многом не соответствовали запросам местного населения. Но вместе с тем он считал, что именно Сибирь является «маховым колесом для движения неизмеримого нашего отечества».

Им были собраны основные сведения о быте русского крестьянского населения и ссыльных по ряду уездов Сибирской губернии. Там же содержались сведения о расширении посевных площадей в 1810–1819 гг., о деятельности горных заводов и рудников, об отдельных видах и отраслях кустарного производства, а также о том, какие национальности проживают в той или иной местности.

В 1820 г. им был опубликован очерк «О Якутской области», содержащий краткую характеристику географических особенностей малоизученных областей, приводится описание самого города Якутска и пути сообщения, проходящие через него. Отдельно автором описывается судоходство по рекам Лене, Вилюю, Алдану, Индигирке, Колыме. Отдельно им даётся описание климатических условий

края, произрастающих пород деревьев, состояние почвы в условиях вечной мерзлоты. Он предлагает, как можно улучшить положение народов, проживающих в Якутии, население которой на тот момент составляло 72 597 чел.

Не ускользнули от его внимания отчёты о результатах экспедиций их руководителей Врангеля и Анжу, присланные в кабинет Сибирского генерал-губернатора. На основе их Батеньков подготовил следующие статьи: «Обозрение успехов двухлетних путешествий» и «Общее обозрение успехов путешествий, произведённых в 1821 и 1822 годах экспедициями, отправленными на берег Ледовитого моря». Он подробно рассказывал о результатах этих экспедиций, содержащих детальное описание северных земель Сибири и Чукотки, включая составление карт и прокладку маршрутов. Там же сообщалось о поисках гипотетических земель, «якобы виденных издали промышленником Яковом Санниковым и сержантом Степаном Андреевым».

К сожалению, Гавриил Степанович не потрудился обобщить все свои исследования в единый труд, который стал бы основой базовых данных о Сибири XIX столетия. Так или иначе, но мы вынуждены ссылаться на различные его публикации, помещённые в периодических изданиях. А жаль. Имя Батенькова могло бы стоять в одном ряду с такими хрестоматийными исследователями Сибири, как Герхард Фридрих Миллер и Пётр Андреевич Словцов. Возможно, найдётся такой человек, который соберёт воедино все материалы и труды Г.С. Батенькова и издаст их за его авторством.

Окончание следует.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Санкт-Петербургские ведомости 1847. № 84.
2. Батеньков Г.С. Данные. Повесть собственной жизни // Русский архив. Москва, 1881. Т. 2. С. 251–274.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске Ф. И 156. Оп. 15. Д. 344. Л. 349.
4. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3575.
5. Коновалов Ю.В. Краткий обзор процесса возникновения населённых пунктов на территории Режевского района в XVII — начале XVIII века // Родовед Режа. Вып. 2: Наши родные деревни и сёла / сост. Н.А. Медведева. Реж, 2012. С. 3–13.
6. РГАДА. Ревизская сказка Арамашевской слободы 1722 г. Ф. 350. Оп. 2. Д. 581. Л. 166.

REFERENCES

1. Sankt-Peterburgskie vedomosti 1847. № 84.
2. Batenkov G.S. Dannye. Povest' sobstvennoj zhizni // Russkij arhiv. Moskva, 1881. T. 2. S. 251–274.
3. GBUTO GA v g. Tobol'ske F. I156. Op. 15. D. 344. L. 349.
4. RGADA (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov). F. 350. Op. 2. D. 3575.
5. Kononov Yu.V. Kratkij obzor processa vzniknoveniya naselyonnyh punktov na territorii Rezhenskogo rajona v XVII — nachale XVIII veka // Rodoved Rezh. Vyp. 2: Nashi rodnye derevni i syola / sost. N.A. Medvedeva. Rezh, 2012. S. 3–13.
6. RGADA. Revizskaya skazka Aramashevskoj slobody 1722 g. F. 350. Op. 2. D. 581. L. 166.

7. РГАДА. Ревизская сказка Арамашевской слободы 1747 г. Ф. 350. Оп. 2. Д. 901. Л. 211.
8. РГАДА. Ревизская сказка Арамашевской слободы 1762 г. Ф. 350. Оп. 2. Д. 910. Л. 76.
9. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Д. 12. Л. 27.
10. РГАДА. Переписная книга города Тобольска 1710 г. переписи князя Василия Мещерского. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 716.
11. Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 99, 2.69. Л. 1–2 (об).
12. Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т. 1. С. 5–6.
13. Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пушина, Э.Г. Толя. М., 1936. С. 58.
14. Калашников И.Т. Записки иркутского жителя // Рус. старина. 1905. Июль. С. 249.
15. Стогов Э. Очерки, рассказы и воспоминания // Русская старина. 1878.
16. Восстание декабристов. М., 1984. Т. 14. С. 94.
17. Батеньков Г.С. Общий взгляд на Сибирь // Сын Отечества. 1822. Ч. 81. С. 3; 14.

7. RGADA. Revizskaya skazka Aramashevskoj slobody 1747 g. F. 350. Op. 2. D. 901. L. 211.
8. RGADA. Revizskaya skazka Aramashevskoj slobody 1762 g. F. 350. Op. 2. D. 910. L. 76.
9. GUTO GA v Tobol'ske. F. 156. D. 12. L. 27.
10. RGADA. Perepisnaya kniga goroda Tobol'ska 1710 g. perepisi knyazy Vasiliya Meshcherskogo. F. 214. Op. 1. D. 1317. L. 716.
11. Rossijskaya nacional'naya biblioteka (RNB). F. 99, 2.69. L. 1–2 (ob).
12. Baten'kov G.S. Sochineniya i pis'ma. Irkutsk, 1989. T. 1. S. 5–6.
13. Pis'ma G.S. Baten'kova, I.I. Pushchina, Eh.G. Tolya. M., 1936. S. 58.
14. Kalashnikov I.T. Zapiski irkutskogo zhitelya // Rus. starina. 1905. Iyul'. S. 249.
15. Stogov Eh. Ocherki, rasskazy i vospominaniya // Russkaya starina. 1878.
16. Vosstanie dekabristov. M., 1984. T. 14. S. 94.
17. Baten'kov G.S. Obshchij vzglyad na Sibir' // Syn Otechestva. 1822. Ch. 81. S. 3; 14.

Вячеслав Юрьевич Софронов — доктор исторических наук, профессор, завлабораторией истории духовной культуры Западной Сибири Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева, член Союза писателей России; член Всероссийского генеалогического общества и Всероссийского общества геральдики; kuk50@mail.ru.

Vyacheslav Yurievich Sofronov — Doctor of Historical Sciences, Professor, head of the Laboratory of the History of Spiritual Culture of Western Siberia at the D.I. Mendeleev Tobolsk State Social and Pedagogical Academy, Member of Union of Writers of Russia, Member of the All-Russian Genealogical Society and the All-Russian Society of Heraldry; kuk50@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 10.08.2026 г.

Ваша библиотека

Аманжолова Д.А. Советская модерность: критика концепта неокOLONиализма : коллективная монография / Д.А. Аманжолова, Т.Ю. Красовицкая, Е.Ф. Кринко, Е.В. Просолова, О.В. Романько; отв. ред. Д.А. Аманжолова, Т.Ю. Красовицкая ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. — М. : Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 2025. — 588 с. — ISBN 978-5-8055-0462-5.

В монографии исследуются основные тенденции в развитии концепта неокOLONиализма применительно к советской национальной политике и этнокультурному развитию СССР. Советское полиэтничное общество как уникальный антиколониальный проект становится объектом штудий, посвящённых так называемой «деколонизации» России, исторической памяти народов бывшего СССР и его поликультурного наследия, одним из средств неокOLONиальной «мягкой силы» и профанации базового смысла традиционализма, цивилизационной целостности, консолидации общества и государства, обеспечивающих сохранение и устойчивость общероссийской идентичности. В связи с этим принципиальный смысл имеет освещение амбивалентных практик советского федеративного строительства и поддержки этнокультурного многообразия в рамках основных хронотопических комплексов, механизмов нациестроительства и модернизации, обеспечивающих государственную целостность и объединяющих системообразующие начала в культуре народов России и СССР.

Издание подготовлено в рамках государственного задания по реализации Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023—2025 гг.) (руководитель — академик РАН В.А. Тишков).